

РАССКАЗЫ

ЧУДО С ИСТОРИЕЙ ПЛИНИЯ

Сколько лет, да нет — столетий: пять столетий и больше дарю людям возможность радоваться мудрости великого Гая Секунда Плиния Старшего, делюсь, благотворю. Меня благодарят, глядят, берегут, отсылают ко мне как к ответственному хранителю истины и мудрости. Ко мне обращались властители судеб и сумасшедшие монахи, наследники престолов и папские нунции, меня воровали и дарили, я была свидетелем бурь и пожаров, войн и революций, и даже всемирных катастроф. За пять столетий я поменяла в качестве местопребывания немало замков и дворцов, дубовых шкафов в высоких кабинетах и пыльных стеллажей в заброшенных сараях — все перипетии моей судьбы невозможно перечислить в один присест, и ни разу мне не хотелось добавить ни слова к тем мудрым мыслям, которые я храню. А впрочем, и возможности не было.

Обратиться к печатному слову, которое заложено во мне так давно, как мало в ком на свете, заставило меня слегка переполнявшее уже изрядное время, но жарко вспыхнувшее лишь недавно желание разыскать сподвижников. Эти сподвижники или участники должны, по моим представлениям, разделить мою радость и восторг по поводу случившегося события; его трудно было бы вообразить даже с большой головой — такое бывает только наяву.

Когда в течение нескольких столетий, а это неважно — одного, двух, трех, — все равно долго! Так вот, когда долго живешь на одном месте, прикипаешь к нему и начинает казаться, что все предметы вокруг родные: и книги, и посуда, и люди, и окна, и вид из окна. А книжный шкаф — так это вовсе твой родной дом.

Жизнь у такой рядовой в наше время безделицы, как книга, не вечна, а точнее — конечна. Хотя, безусловно, эта сентенция и не должна иметь отношения к таким артефактам, как я.

А я, как и полторы сотни таких же горемык, томящихся в специальных коробах, — мы уже не рассчитывали на благоприятный исход в своей судьбе, когда были брошены, а точнее, просто кем-то потеряны в опломбированном почтовом вагоне на Богом забытом полустанке со сказочным названием Толоконцево. Кроме этого десятка коробок с уникальными изданиями, такими, что могут лишь присниться хранителям крупнейших библиотек мира: инкунабулами, эльзевирами и альдинами в кожаных и сафьяновых, марокеновых и пергаментных переплетах, в вагоне были забыты еще тридцать

Олег Алексеевич Рябов родился в 1948 году в г. Горьком. Окончил Политехнический институт по специальности «радиоинженер». Первая публикация состоялась в 1968 году. Первая книга — повесть о войне «Письма отца» — вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году. С тех пор вышли пятнадцать книг стихов и прозы. Печатался в журналах «Наш современник», «Нева», «Север» и др. Лауреат конкурсов «Ясная Поляна» и «Болдинская премия». Член Союза писателей России, российского ПЕН-центра, Национального союза библиофилов. Главный редактор журнала «Нижний Новгород».

ящиков с охотничьими ружьями самых-пресамых великих мастеров. Перде, Голланд-Голланд, Ланкастер, Антон Лебеда — эти звуки пьянят слух охотников-коллекционеров всего мира; все оружие было старательно упаковано в специально сшитые чехлы и заколочено в ящики из бакелитовой влагостойкой фанеры.

Кто их отправлял, эти сокровища, в 1945 году из поверженной и зализывающей раны Европы и кому они предназначались в заволжских лесных краях — неважно. Хотя когда-нибудь для публики будет обнародовано имя спасителя и озвучено будет имя того, кто сохранил для будущих поколений эти реликвии — какой-нибудь капитан Егоров или сержант Бубликов. А нам, обитателям этих коробок и ящиков, хотя и любопытно, но неизвестно, кто планировал стать хозяином вроде бы обычных военных трофеев, да только не получилось. Никто уже не мог получить по документам свои ценности и разгрузить вагон на маленьком заволжском, таежном полустанке Толоконцево. А потому и стоял он бесхозный, загнанный в коротенький тупичок, начиная быстро ржаветь и гнить, скрытый под огромными лапами вековых сосен.

Если бы не мальчишки...

Конечно, мальчишки спасли все эти богатства.

Как это всегда у мальчишек бывает: давай проверим? давай посмотрим? а может, нам это надо? И вот уже через пару недель во всех деревнях округи все мужики, что на звериный промысел в лес ходят, стали обладателями лучших в мире охотничьих ружей, да таких, что «Зауэр три кольца» с оптическим прицелом с просветленной оптикой считался чем-то не больно уж и раритетным. Я про все это узнала уже позже, когда успокоилась на своем новом месте в областной научной библиотеке, в отделе рукописей и редких книг.

Наш отдел тогда посещали только избранные читатели, и такого здесь иной раз слушаешься, что лучше бы и не слышать. А у наших академиков и писателей, хирургов и художников только охотничьи интересы и пересекаются — так я и провела про этот секрет с пропавшими ружьями из нашего вагона. По разговорам, было все это оружие частью коллекции Геринга. Хотя, по-моему, почти все замки по всей Европе к определенному времени были записаны на Геринга, чтобы на этот счет даже не задумываться. А заодно и все, что было в замках, на него было переписано: картины, книги, посуда, серебро, бронза, мебель, коллекции, собаки, лошади; все на Геринга!

Но вот если коллекцию охотничьих ружей ждала печальная судьба — ну что такое оказаться в руках деревенских охотников-промысловиков? Это как гвозди заколачивать логарифмической линейкой! Нам, книгам, повезло в этом плане куда больше — повезло тем, что самый любопытный мальчишка, раздраконивший первую коробку с европейскими инкунабулами и вытащивший оттуда меня, пухленький томик с латинской надписью на титуле, выведенной извилистой нечитаемой готической вязью: «История естественная Плиния Старшего», изданный в Венеции в 1499 году, обладал настоящей мальчишней фантазией. Не только мой, цвета слоновой кости, матовый пергаментный переплет ввел в трепет юного похитителя книг, заставив отнести завораживающий раритет к своему школьному учителю, но и та же самая фантазия его сразу занесла в далекое средневековье, откуда и действительно была я родом. А если еще прибавить, что для мальчишки возможные разгадки рыцарских дворцовых интриг таятся под моими крышками... Понятно, что учитель истории мог стать проводником в мир средневековой Европы для любопытного мальчика.

Нас спасали в декабре, когда мороз уже сковал реки и озера. Несколько сотен коллекционных стволов, побывавших на многих королевских охотах, а может, и побывав в руках самого рейхсмаршала Геринга, моментально разбежались по окрестным заволжским деревням и были до поры до времени старательно припрятаны местными

мужиками в маленьких баньках, занесенных по самые крыши сугробами. А вот десять коробок с эльзевирами, альдинами и прочими книжными раритетами из венгерского городка Шарошпатак, из библиотеки местного замка, служившего в течение столетий родовым гнездом князей Ракоци, владетельных правителей Венгрии, были аккуратно уложены на сани и конной тягой отправлены в центр, в областную научную библиотеку. Это было действительно спасение: ведь не только для картин или для мебели страшны перепады температур и повышенная влажность — перезимовать в вагоне, в лесу, посреди болот, было бы гибелью для такой коллекции, частью которой являлась и я.

Мы, исторические артефакты с возрастом в не одну сотню лет, очень чувствительны к окружающей ауре. Потому, пока мы несколько месяцев находились в вагоне, нам была неясна дальнейшая судьба: либо влажность, грибок и гибель, либо нас спасают. Спасли! И наконец-то появилась надежда на будущее, потому что книгохранилище наше новое располагалось в корпусе, которому, судя по витающим в нем флюидам, тоже было немало лет. И в течение последних ста лет в этих стенах не в карты играли и не шампанское пили, а размышляли о будущем человечества: композитор Милий Балакирев и историк Бестужев-Рюмин, философ Герман Лопатин и поэт Анатолий Мариенгоф. Да мало ли их, замечательных людей, побывало в этих стенах, а благородные мысли в серьезных количествах иногда определенным образом материализуются и всегда ощущаются долгожителями.

Мы с подругами, книгами из венгерского вагона, расположились в четырех книжных шкафах, и пусть соседи и соседки наши были в большинстве своем на церковнославянском языке, но тоже порядочные старухи, хотя и не ровня мне; и они были уверены в своем будущем, а тем успокаивали нас. Было понятно, что мы попали в депозитарий и отсюда нас уже вряд ли кто-то выковырнет.

Больше всего меня беспокоило в последние полгода, с тех пор, как мы расстались с замком Шарошпатак и находились в неизвестности в опломбированном вагоне, то, что рядом со мной нет практически моей родной сестры, книги «Комедий» Аристофана, изданной и напечатанной великим Альдом Мануцием в той же Венеции, но на год раньше меня, в 1498-м. Что нас роднило? Нет, не тексты — тут родства не было и в помине, а то, что переплетали нас в одной мастерской и один мастер, но средневековые мастера часто оставались анонимами. Это я его помню, да, может, еще пара-тройка таких же престарелых дам, как я — и его мозолистые подагрические пальцы, и кленовый верстак, и массивный, уютный пресс. Мастер готовил мой переплет на века и не ошибся!

Пергамент, в который меня обернул переплетчик, был выделан из кожи теленка и стоил немалых денег. И все же это копейки, если представить, что до того, как книги начали печатать на бумаге, их переписывали вручную и на изготовление только материала для одной такой уники уходило до ста телячьих шкур, выделанных до белизны. Выдeldывали пергамент и из кож овец, и из козьих кож — только из ослиных шкур не получался подходящий пергамент. Может, потому из средневековья и тянется примета, что осел и книжная мудрость — вещи несовместимые.

Так вот, мастер переплетал нас двоих: меня и книгу «Комедий». И судьба нас очень редко и очень ненадолго разводила за эти почти четыре с лишним века. Мы не то что сроднились с ней — мы почти срослись, и очень неуютно чувствовала я себя, когда кто-то снимал эту книгу Аристофана с полки: холодно становилось и одиноко. Хотя таких случаев, помнится мне, было не больше, чем с десятков раз, а за последние двести лет и ни разу. И если каждый из этих случаев достоин отдельного рассказа, то про один из них я все же упомяну.

Самый знаменитый европейский авантюрист и проходимец Сен-Жермен имел несчастье явиться на белый свет в нашем замечательном и удивительном замке Шарошпатак. И если про матушку его никто и никогда не вспоминал, то вполне возможно, что его реальным физиологическим отцом был великий князь Ракоци-второй. По крайней мере, он такой заботой окружил мальчика, что грех было бы кому-то попенять на невнимание к нему. Мальчик воспитывался как наследник самого высокого и значительного дома Европы, и никаких претензий к учителям его не могло быть даже в помине. Мальчик не только был, как и любой дворянин эпохи, обучен придворным манерам, но и фехтованию, выезде, охотничьим хитростям; в совершенстве он овладел и всеми европейскими языками, и арабским. Вот кто стал главным читателем библиотеки замка Шарошпатак, и он, безусловно, был гениальным мальчиком, что и подтвердилось в будущем. Я хорошо помню его тонкие и ласковые пальчики.

Однако в десятилетнем возрасте по неведомым мне причинам был он отдан на воспитание и попечение в дом герцога Джованни ди Медичи во Флоренцию с потерей имени и титула. Все, что позволено ему было с собой взять, это часть книг из любимой его замковой библиотеки. Так сто томов, а в том числе и я, и другие древние римляне и греки, были сняты с полок и старательно упакованы и подготовлены к отправке. Но что-то в планах необъяснимое произошло, и спустя месяц мы вновь оказались на старом месте, на родных стеллажах. Да может, оно и к лучшему: путешествия не идут на пользу великим артефактам.

Пока в фанерных ящиках мы колесили по Европе, пока в ржавом вагоне нас прятали в тиши сосновых заволжских лесов, у меня еще теплилась какая-то надежда — что моя родная, почти единокровная (переплеты-то у нас из одного теленка!) найдется в каком-нибудь другом, таком же заблудившемся вагоне и встанем мы снова с ней бок о бок.

И жизненный опыт мне такую надежду подавал.

Мне хочется забыть, как два писателя привели к нам однажды в хранилище человека с фамилией Ракоци, так мне послышалось, но это был Матиас Ракоши; а я все равно подумала, что он наследник великих князей, истинных моих хозяев. Но нет — хотя этот человек и был некоторое время диктатором и хозяином Венгрии, а тут, в этом русском провинциальном городе, находился в заслуженной ссылке. Он брезгливо рассматривал корешки переплетов, но даже не попросил открыть книжный шкаф. Да и фамилия его настоящая оказалась на самом деле не Ракоши, а совсем другая — и не говоришь. Он и фамилию-то эту звонкую, которую знала когда-то вся Европа, присвоил.

Я не буду в подробностях описывать, как один из руководителей депозитария однажды распорядился составить список трехсот наиболее ценных изданий, хранящихся в библиотеке, и я была в этом списке, а цель... Цель была очевидна! После произошедшего у них в стране переворота легко осваивалось общенародное добро. Но старая-старая старуха, которая, как и многие другие старухи на свете, верила в справедливость и светлое будущее (ее все сотрудники уже бабой Надей звали), набралась смелости и лично отправилась к представителю самого главного органа безопасности страны, который мог решить все проблемы, и этого временного директора библиотеки убрали.

Был и прорыв отопления, когда чуть не погибли в подвале офорты великого Рембрандта, но нас это не коснулось. Были и крысы, которым, слава богу, не удалось попасть в наш дубовый, особо охраняемый шкаф.

А потом произошло то, во что трудно поверить: нас всех, всю коллекцию, почти полторы сотни томов, по списку упаковали, да так старательно, как детей новорожденных пеленают, и отправили в Венгрию, в наш родной замок Шарошпатак. Кто и с кем договаривался об этом возврате — не знаю. Кто, и кому, и какие деньги заплатил — не знаю. С кем и когда там президенты шампанское пили, и кому и какие

ордена и медали вручали, и что они обещали друг другу — не знаю. Правда, здание библиотеки, в котором мы полвека прожили, подлаталось неплохо на том возврате; и реконструкцию, и переоборудование полное провели в нем.

А вот в замок мы уже не попали, а разместили нас в национальном депозитарии, где и положено нам по статусу современному находиться. Только не к тому я всю эту историю рассказываю. Просто мое место в шкафу на полке оказалось, как никто не мог бы никогда и предвидеть, рядом с сестрой моей, древней альдиной, венецианским изданием «Комедий» Аристофана 1498 года. Как же этот капитан Егоров или сержант Бубликов (не знаю!) по небрежности выронил из рук одну эту книжечку да и запихнул ее сапогом злобно под шкаф, где она и провалялась чуть ли не с год, пока ее не вытащили оттуда и не определили на должное место?

Как мы с ней обнимались и целовались, если фигурально выражаться, по-человечески! И вспоминаем мы с ней теперь вместе лишь детство наше: в старости детство положено вспоминать.

Так вот — чудеса не только в сказках случаются.

ПОТЕРЯЛ

Арсений Арсеньевич Половинкин уже год, как на пенсии. А точнее сказать, и не на пенсии он, а на заслуженном отдыхе — до пенсии ему еще далеко. Как он заслужил этот отдых, и заслужил ли он его вообще — решать ему самому; да только после того, как его хорошо знакомых друзей-товарищей, коллег и практически партнеров по бизнесу смыло с трудового маршрута: кого инфарктом, другого инсультом, чего-то как бы напугался Арсений Арсеньевич и решил завязать. Да и действительно — мелкий твой бизнес или не очень мелкий, а проблемы всегда есть: сегодня крыша в здании течет, а тут пожарная инспекция с санэпидстанцией вместе на голову свалятся, или налоговики с какими-то просроченными чужими платежами пристанут. Надоело переживать и нервничать.

Фирма Арсения Арсеньевича была крупнейшим в регионе поставщиком саженцев, садовой рассады, любых цветочных и овощных семян, которые только могут прорасти на наших огородах и клумбах, а также любых попутных сопутствующих садово-огородных товаров. Когда его спрашивали: «А чем вы занимаетесь?», он просто отвечал: «Семечками торгую!» — «Как семечками?» — удивлялся собеседник. «Да так просто — семечками; вон на Среднем рынке с мешком стою и торгую!»

А еще надо сказать, что подмочил он все же однажды репутацию свою крепко. Выдался как-то один год такой, что ударили сильные заморозки во второй половине мая, когда не только в парниках, но и на огородах все уже зазеленело и пошло в хороший рост. Все у людей замерзло, все погибло. Надо огороды заново засаживать, а у садоводов проблема — где новую рассаду взять. Вот тут и обмишурился Арсений Арсеньевич: на камеру телевизионную журналисту какому-то лихому ляпнул: «Повезло мне с этими заморозками наконец-то раз в жизни: две выручки за одну весну получил. Я же дважды и семечки, и рассаду одним и тем же садоводам за сезон продал». У людей — горе, а он про выручку свою. Не прощаются такие вещи в бизнесе серьезно: вслух чужому горю радоваться нельзя.

Продал Половинкин в тот же год все свое дело своему же техническому директору Саше, с которым он работал последние годы и который был моложе его лет на пятнадцать. Оставил он за собой в собственности только выставочный цех — двухэтажный кирпичный ангар дореволюционной постройки на две тысячи квадратных

метров, который умудрился еще в девяностые за ваучеры на аукционе каком-то выкупить; оформили они с новым директором на него договор долгосрочной аренды. Так что приезжал Арсений Арсеньевич теперь на свою работу бывшую только раз в месяц за деньгами и никакого сожаления не испытывал, и ничего у него внутри не волновалось и не екало.

Зато новое достойное занятие нашел неожиданно для себя Арсений Арсеньевич: решил он разыскать по мере своих возможностей и сил всех институтских однокашников, а потом уже и школьных всех найти до кучи. Занятие это непростое, трудоемкое: и времени занимает изрядно, и фантазии требует определенной. Хотя появились всякого рода социальные сети в Интернете вроде «одноклассников» и «фейсбуков», а это облегчало и подстегивало одновременно. Да и бывших партнеров по бизнесу, которые могли что-то подсказать, оставалось у него достаточно.

Если с институтскими все быстро выяснилось, и на юбилейную встречу по случаю окончания института, которая уже планировалась, он быстренько приглашение от оргкомитета получил, то со школьными товарищами возникла непонятная проблема: нигде и никаких концов. Фотографию он разыскал с выпускного школьного вечера в своем старом фотоальбоме: стоят они, двадцать пять человек, всех по именам вспомнил, а где их искать — непонятно!

Была бы супруга жива, она бы мигом всех разыскала, она со всеми связи поддерживала, а Арсений Арсеньевич и анахоретом вроде бы не был, и в то же время...

Кое-как, с большими сложностями, двоих своих школьных товарищей сумел отыскать Арсений Арсеньевич. Сашка Филимонов, с которым они на одной парте сидели, подполковником ФСБ стал, в отставке уже, но гонору в нем столько, что и директор ФСБ мог бы ему позавидовать — и здороваться даже с ним не хочется. Уж повидал Арсений Арсеньевич на своем веку генералов разных — они все на пенсии к огородному делу сильно прикипают.

Димка Ертыбашев, тоже школьный одноклассник, он — из неблагополучных двоечников; так тот наоборот: грязный все время, как чушка, и пьяненький, а подошел к нему Половинкин как-то раз на улице — так, кроме как «дай денег на бутылку», и разговора никакого не получилось.

Супруги нет уже десять лет: рано, рано она ушла. И дочери с внучкой нет: они за городом, в коттедже своем двухэтажном барствуют. Один живет Половинкин теперь, скромно живет, в двухкомнатной советской квартире, еще горисполком ему ее выделял. А почему выделил — так отец супруги, тесть Половинкина, был когда-то заведующим орготделом горкома партии. Знаете, что это за должность? А это значит, что он или сам назначал, или же утверждал на самых важных должностях всех-всех-всех начальников: и секретарей партийных, и директоров заводов.

И вот раздумывая о своей покинувшей его довольно рано супруге, Половинкин сообразил, что должны где-то быть какие-то ее старые записные книжки, которые после смерти на глаза ему попадались. Там записаны все телефоны домашние, с них и надо начинать. Конечно!

Записная телефонная книжка нашлась, и на первой же странице первое имя — Юлька Айхенвальд: была такая толстая, кудрявая, веселая хохотушка в их классе — чудо, а не девчонка. Половинкин помнил ее очень хорошо. И телефоны: и домашний, и рабочий, и мобильный. Половинкин позвонил по мобильному.

— Ой, Сеня! Ты у меня высветился. Давно не виделись, не болтали. Ты чего?

— А разве мы с тобой когда-нибудь болтали?

— А как же? А пять лет назад я у тебя малину покупала — английскую ремонтантную. Ты еще сказал, что раньше она называлась «Лысковская комсомолка». Хорошая малина уродилась. Ты что — не помнишь?

— Помню-помню, — запротестовал Арсений Арсеньевич, боясь свернуть на конфликтный тон.

— Так чего ты звонишь? Соскучился?

— Нет, не соскучился. Точнее, конечно, соскучился, только я не поэтому.

— А почему же?

— Да как тебе сказать...

— Поняла я все. Ты про Лялю? Похороны завтра, вынос в двенадцать из их старой квартиры на Ошарской площади. Помнишь где? Лялька прилетает сегодня.

— Какие похороны, Юля?

— Как какие? Умерла Тамара Александровна, Лялькина мама — ты же знал ее хорошо! Ты помнишь ее? Она тебя очень любила, и жалела она очень, что ты не стал ее зятем. Я же с ней какое-то время работала вместе. Так Лялька из Ташкента специально на похороны мамы своей прилетает сегодня.

— А почему из Ташкента?

— Ты что, правда, что ли, ничего не знаешь?

— Да нет! Ну, Тамару Александровну я помню, конечно, но чтобы хорошо ее знать — нет, не могу сказать. А про Лялю Круглову — вообще ничего не знаю.

— Кошмар какой! Мы же все думали тогда в школе — ну, уже после школы, конечно, что это какая-то мировая трагедия случилась, и боялись всего-всего-всего... Чего только не думалось и в голову не лезло. А ты? Даже не помнишь ничего?

— Да нет, что это — помню. Только не знаю, почему она в Ташкенте оказалась.

— Почему-почему! Когда она козу тебе сделала и с Мариком Сигаловым почти сразу же после загса в Штаты улетела, мы тут все к ней как к предательнице отнеслись. А Марик тоже тупой какой-то оказался: его с Лялькой нашей Кругловой община еврейская местная не приняла. Пришлось ему развестись и жениться уже на какой-то ихней Саре — подобрали ему там в Бостоне. Ляльке, правда, денег он отвалил прилично тогда, при разводе. А Лялька тут же выскочила за узбека какого-то, чуть ли не за главного архитектора этого самого ихнего Ташкента. Надо же — там, в Америке, познакомилась с узбеком. Познакомилась, поженились в Штатах, а живет она уже тридцать пять лет в Узбекистане. Чудно все бывает.

— Да, чудно, — задумчиво откликнулся Половинкин, — спасибо тебе за информацию. Я тебе еще позвоню, хорошо? Поболтаем.

Не был Половинкин никогда бабником особенным каким-то и за юбками не бегал. Хотя, как у любого нормального мужчины, увлечения минутные бывали, но никогда не в ущерб работе или семье. Кроме одного единственного случая, когда он чуть не сошел с ума. И даже сейчас, спустя много-много лет, он готов был в этом признаться самому себе.

Им было всем по пятнадцать лет, когда в класс, где учился Половинкин, пришла эта девочка Алевтина Круглова. Она сразу же стала богиней для Половинкина. Он и сейчас с усмешкой мог вспомнить, как у него кружилась голова при виде ее, как при звуках ее голоса вздрагивало все внутри, поднималось комом к горлу и не отпускало, как пахли ее волосы свежестью соснового леса, а ушки-ракушки персиком спелым. А смех ее — райская музыка, на ее смех оборачивались все мужчины в радиусе ста метров. Осанка богини, ножки, фигурка, шея — это была девушка, подспудно готовящаяся, но пока еще не сознающая того, что должна стать женщиной, женой, матерью. И если для каждого мужчины существует свой набор женских прелестей, заложенных природой на генетическом уровне, то для Половинкина Ляля оказалась тем абсолютным идеалом.

Два года сумасшедшего беспамьятства — и Половинкин был готов тогда на любые безрассудства, и Ляля знала это и держала его на коротком поводке, не допуская ни-

каких глупостей, не давая ни малейшего повода для ревности или каких-то иных сомнений. Ее очень даже устраивала эта школьная любовь, эта юношеская увлеченность. Половинкин был к тому времени высоким, стройным, спортивным юношей с задатками будущего лидера, и ее даже несколько удивило, что такой мальчик — и не был охвачен всеобщим девичьим вниманием. Только не знала она, до какой степени безумства может довести юношу эта первая влюбленность.

— Он же все вытоптал вокруг меня! У меня даже выбора не могло быть, — жаловалась на него Ляля своей маме.

— И не нужен тебе никакой выбор, — уверенно отвечала ей Тамара Александровна.

Она же сама и устроила им первое по-взрослому любовное свидание, пригласив по какому-то надуманному поводу Половинкина к себе домой и уехав вместе с младшей дочкой Ниной в гости к друзьям за город. А утром она все проконтролировала и осталась довольна. Это случилось уже после выпускного вечера.

Вспомнились сейчас Половинкину и их лыжные прогулки вдвоем с его Лялей в Марьиной роще, когда прямо в лыжах, упав в сугроб, они целовались до беспамятства и не хотелось уезжать домой из этого зимнего снежного леса. А потом, после первого курса института, два месяца работы в стройотряде — вернулся Половинкин из Якутии с большими по тем меркам деньгами. Можно было играть свадьбу. И как пыльным мешком, набитым старьем, по голове: Лялька вышла замуж и уехала в Америку с каким-то непонятным и неизвестным Мариком.

С ним случилась многодневная умопомрачительная истерика, такая истерика, которую Половинкин хорошо помнил и сегодня: он, взрослый и здоровый двадцатилетний мужчина, плакал, рыдал, бросался на стенки, мама отпаивала его горячим кипяченым молоком с содой, приходила успокаивать его и Лялина мама Тамара Александровна, гладила по голове, прижимала к груди. Неделью колотило его и потом долго еще не отпускало.

Но — прошло. Как и все проходит, прошло и это.

Долго думал: идти на похороны или не ходить, увидеться вновь или ни к чему.

На другой день решил. Шел пешком к хорошо знакомому когда-то дому: тут все-то три квартала да еще через скверик и пройти-то надо было. Июнь: цветочки на клумбах цветут незнакомые, птички поют в кустах веселые. Почему-то припозднился: гроб уже стоял у подъезда на двух табуретках, как в добрые старые времена, а то ведь теперь прощаются в чужих и мрачных ритуальных залах, а соседи и последние друзья по дому и перекрестить в последний путь не могут покойника.

Маленькая, толстенькая, словно тумбочка, сто килограммов без малого, вся заплаканная, стояла когда-то его Ляля вся в черном и с лицом опухшим и почерневшим, выделяясь среди небольшой дворовой толпы. Под руку ее поддерживал высокий, строго и траурно одетый тридцатилетний мужчина явно восточной наружности. «Сын, наверное», — мелькнуло в голове Половинкина. «Никогда бы не узнал Ляльку», — подумалось. «И зачем я здесь?» — подумалось еще.

Возвращался домой Половинкин через скверик, птички и цветочки не радовали: он нутром чувствовал, что потерял навсегда сегодня что-то очень важное, гревшее и вдохновлявшее его много лет, такое, чего он уже никогда не сможет найти.